

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petsu.ru>

Выпуск 5 (№), 2023

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petsu.ru

<https://verba.petsu.ru>

Проза

Перемены

МАКСИМОВА **Елизавета**

ПетрГУ (Петрозаводск),
lispet@mail.ru

***

Знаешь такие окна, которые теперь остались лишь в старых домах: деревянная двойная рама в шелухе осыпавшейся белой краски, трещины на стеклах сглажены скотчем? У нас как раз были такие. Видимо, в одну из тех самых мрачных гроз, что бывают в юности, форточка кухонного окна потеряла стекло со стороны улицы и с тех пор зияла пустыми рейками. Краски неба: кудряво-серые, воздушно-розовые, поглощающе-черные, обрамленные этой рамкой, но ничем незамутненные, - представлялись каждый раз новой картиной. Я смотрела на неё.

Сегодня кусочек неба на холсте уносит взгляд в чистейшую черноту ночной тишины, где звезды общаются яркими безмолвными вспышками, словно боятся потревожить покой землян. Их колкий свет притягивает, а спальня плещет в спину свой спокойный желтый свет и возвращает теплыми объятьями меня домой.

– Закрой форточку, застудишься! – строгий голос мамы, и я неохотно сползаю с подоконника, хотя наверняка знаю, что не застужусь.

И мама, наверное, знает.

– Да-а, понятно. Окна насквозь дырявые, зря вы не поменяли.

Цепкий взгляд еще раз прошелся по пустой комнате. Я наблюдала за ней. Посторонилась, когда она процокала мимо, едва не прошивая гвоздями шпилек потертый фанерный пол коридора, в другую комнату. Мою. В смысле, бывшую когда-то моей. Я проследовала за покупательницей.

Над кроватью взмывает стайка бабочек. Фиолетовые, красные, желтые – разноцветный хоровод силуэтов. Они летят из моего сна, ловят яркие лучи зари, купаются в них. Крылышки трепещут от малейшего движения воздуха. От моего дыхания, возвращая в лето даже в самые суровые холода. Вдруг мелькает гибкий силуэт: притаился за изголовьем. Это ловкая кошка. Я боюсь, что она сцапает одну из бабочек, но кошка все выжидает.

Волшебный мир скукожился, распался пустыми бумажными поделками под придирчивым взглядом покупательницы. Бабочки выцвели, отвалились, подкошенные временем. Исчезли, разбив идиллию танца. Взгляд скользнул по обожженным солнцем крыльям, мимо неаккуратно вырезанного силуэта черной кошки, чудом держащегося на вздувшихся обоях. Вернулся и задержался. Покупательница поморщилась:

– С крыши вода натекла?

Дождь. Мне нравится быть внутри, когда он снаружи. Пытается добраться, хлестко бросает холодные капли в лицо. Водяная дробь не достигает цели: прижатый к оконному стеклу нос чувствует прохладную дрожь стекла и только. Ветер песней могущественного шамана гудит в стенах, дом вздыхает защитной молитвой. И только небольшая брешь в обороне: звонкая капель в тазике на полу, ослабленная сражением. Ритм победы. Умиротворяющий такт, под который приятно заснуть, зарывшись в одеяло до самого носа.

– Да, – я поняла, что покупательница уже какое-то время смотрела на меня, ожидая ответа. Торопливо и несколько скомканно добавила, – но ее недавно отремонтировали.

Хмыкнув, покупательница прошла внутрь комнаты, узкая атласная серая юбка-карандаш доходила до икр и едва сдерживала изящный шаг клиентки, так стремящийся к размахистости. «Цапля», – почему-то подумала я.

– А вид неплохой, смотрите... – она выглянула на улицу, обшарпанный подоконник чуть скрипнул под тонкой ладонью, глухо звякнул золотой браслет.

Я согласилась. И наоборот – закрыла глаза.

Взрывается переливами света пышная сочно-зеленая крона, гибкая, рвущаяся вверх, к новой жизни. Дотягиваюсь до липких листочков, лишь высунув руку из окна. Дожидаюсь, пока они станут золотом. Самым ценным, самым щедрым. Душистые кругляшки растворяются в чужих печах. Выглядывает липовая аллея с небольшим домиком соседей, резная беседка, речка под холмом.

– И света так много!

– Да, теперь стало светлее. Берёте?

Я видела, что ей, в целом, нравилась моя квартира, хотя наверняка запросит скидку: за стекла, обои и крышу. За то, что придется вложиться. Сама не из бедных: салонная стрижка, аккуратный маникюр, золотое кольцо с блестящим камнем на безымянном пальце, и взгляд, прожигающий, хваткий. Такой не скрыть за пушистыми ресницами, как бы мастерица ни старалась.

– Сколько?

– Двести пятьдесят.

Дороже такой дом не продать, тени воспоминаний дороги только мне. Накопившаяся усталость вылилась в желание поскорее закончить и вернуться в настоящее. К размеренной жизни, из которой пришлось вынырнуть ради этой затеи с продажей. Теперь воспоминания лежали мертвым грузом, тяготили, изматывали, возвращая к себе, заставляя платить по счетам. И даже буквально.

– Двести.

Ужасно болела голова. Весна щедро дарила контрасты: жара, холод и снова жара. Солнечные зайчики скакали по стенам, разносили тепло. Капель за окном и звон ручьев возвращали в детство. Хорошо, что тогда починили эту крышу, а то пришлось бы значительно уступить в цене.

– Двести тридцать.

Вдруг в коридоре послышался грохот. Мы одновременно обернулись. Вихрь? Нет – маленькая девочка в ярко-желтой курточке промчалась мимо меня к матери.

– Вита!

Шапка девочки слегка сбилась набок. Резиновые сапожки были сплошь облеплены грязью. Цапля, извиняясь, впервые улыбнулась мне.

– Ну, что это такое! Ты опять вся извозилась...

– Мама, я накрыла стол! Ты посмотришь? – Девочка потянула мать на улицу, но та не успела ответить. Девочка уже огляделась. – А мы тут будем жить?

– Думаю, да. Тебе нравится? Хочешь, здесь будет твоя комната?

Девочка осмотрелась внимательно. Почти со взрослой серьезностью прошлась по квартире, заглянула во все ниши и уголки. А я с интересом наблюдала за ней.

Пустая форточка вдруг подмигнула звеняще-чистым небесно-голубым, пропуская свежее весеннее дыхание. Тихо, еще несмело, шелохнулось крыло бабочки, оживающей в солнечном луче. Веселилась капель, и,

словно следуя ее зову, девочка выглянула из того самого окна:

– Ой, мой пир видно прямо отсюда! Мама, смотри!

Солнечные зайчики пропали, похолодало. Прощально скрипнула дверь, в тысячный раз ключ совершил два плавных оборота до тихого щелчка. В последний раз. Мы спустились. Весна разогретым воздухом пыталась пробраться в подъезд сквозь открытую дверь, но пока она не набрала сил и скромно топталась у входа. Знакомо, привычно и совершенно обычно. Цапля щебетала - в говорливости она могла поспорить с недавно прилетевшими пуночками. Шпильки едва касались ступенек.

– ...не много ли тут собак? А строители, знаете, кто мог бы...? Я думаю, здесь мы не обойдемся без...

Девочка убежала, не дождавшись нас. Я отвечала, иногда теряясь и путаясь, но испытывая в конечном итоге облегчение и даже некую радость.

– Давайте решим все формальности на следующей встрече?

– Да, конечно.

Маленький, такой знакомый двор, способный растягиваться до невероятных размеров, вмещать в себя и звезды, и высокое небо, большие и маленькие мечты, уменьшился окончательно и почему-то вдруг стал совершенно незнакомым. Взгляд остановился на большом березовом пне под чьим-то окном, где разномастными кучками стояли пышные снежно-грязевые куличики. Знаешь такие окна в старых домах, из которых видно счастье? Я знаю.